

мислення. Однак визначення сутності аббревіації і номенізації виходить за межі суто лінгвістичних характеристик, бо скорочення відбулося за допомогою мовних знаків, на яких сформувалась мисленнєва категорія складності, що переросла у свою діалектичну протилежність – категорію симплікативності, і аббревіатура, якій притаманна категорія складності, стала номеном, якому властива симплікативність [1, с. 12].

Отже, на підставі вищезазначеного, ми можемо наголосити на тому, що однослівні терміни і терміносполучення, виокремлюючись із технічного мовлення і «аббревіатури», зазнають мовного «пресування», компресії, що спричинено активізацією аббревіатурного мислення, першим етапом якого є мотив. Досягнувши вищого ступеня абстрагування порівняно зі словом, аббревіатура може згорнутися до мови символів (буквених, цифрових і т. д.), спроститися, бо аббревіатура на позначення спеціального поняття і термін у системі логіко-мисленнєвих категорій співвідносяться з абстрактним поняттям, а номен – з конкретним уявленням [1, с. 234]. Однак творення номена не обов'язково відбувається на підставі аббревіатури, похідним для нього може бути і звичайний термін.

Таким чином, кожна аббревіатура формується, а не переходить у «готовому вигляді» спочатку з мислення у мовлення, а потім навпаки. Але у будь-якому разі процес формування аббревіатури, зокрема терміна-аббревіатури, не повторює шлях творення мовлення (висловлення) у зворотному порядку (складова моторна реалізація зовнішнього мовлення – формування синтаксичної схеми речення (словосполучення) – відбирання лексики – розгортання ключових слів у внутрішньому мовленні у зв'язний і цілісний текст – первісний стислий запис майбутнього висловлення – задум (думка) – комунікативний намір – мотив [2, с. 80]), хоча мисленнєві процеси (формування висловлення та творення аббревіатури і номенів) починаються з виникнення мотиву.

Абревіація та номенізація є етапом розвитку думки, коли оброблення інформації продовжується на різних рівнях – складному (аббревіація) і спрощеному (номенізація), тому, власне, аббревіатурне мислення порівнюють з метафоричним, метонімічним, еліптичним тощо.

На підставі дослідження термінології холодильної техніки (галузі холодильних машин) можна зробити висновок про абсолютну кількісну перевагу аббревіатур ініціального та ініціально-цифрового типів порівняно з іншими типами аббревіатур у зазначеній сфері знань. Невипадковість частотності ініціального та ініціально-цифрового типу аббревіатур свідчить про типовість таких рис інженерного мислення, як символна образність, абстрагованість, просторовість, а також гнучкість у розгортанні та згортанні цілісних семантичних програм на різних рівнях оброблення інформації (від слова-терміна і терміносполучення – до аббревіатури і номена). Велика кількість фізичних формул (зашифрованих у символах понять) на сторінках підручників, зокрема з ХТ підтверджує нашу думку про те, що технічний інтелект, мабуть, краще пристосований і привчений для подібних перетворень, хоча умови для розвитку аббревіатурного і номенклатурного мислення для всіх створює саме життя.

Джерела і література

1. Татаринцев В. А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. – М.: Московский Лицей, 2006. – 528 с.
2. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
3. Морозюк Т. В., Морозюк Л. И., Ястребова Л. В. Теоретические основы холодильной техники. Конспект лекций в 2-х частях. Ч. 1. – Одесса: Одесская государственная академия холода, 2003. – 92 с.
4. Загоруйко В. О., Голіков О. А. Суднова холодильна техніка. – К.: Наукова думка, 2002. – 576 с.
5. Ханик Я. М., Гнатишин Я. М. Енергозбереження. Ч. 1. Термодинаміка. – Львів: Афіша, 2004. – 206 с.
6. Горпинич В. О. Сучасна українська мова. Морфеміка. Словотвір. Морфологія. – К.: Вища школа, 1999. – 207 с.
7. Холодильні установки / Під заг. ред. д. т. н. І. Г. Чумака. – Одеса: Рефпринтінфо, 2003. – 536 с.
8. New International Dictionary of Refrigeration. Nouveau Dictionnaire International du froid. International Institute of Refrigeration. 177, boulevard Malesherbes, 75017 – Paris – France. – 560 p.
9. Морозюк Т. В. Теория холодильных машин и тепловых насосов. – Одесса: Неогоциант, 2006. – 712 с.

Юнацкая А. Б.

ДИАЛОГ «АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ» И ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ КУЛЬТУР: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Разнообразные изменения, происходящие в современном обществе, культурно-поведенческая тенденция к языковому такту («политическая корректность»), замена так называемой «политически некорректной» лексики на «инклюзивную», т.е. корректную [1, р. 272-273], трансформации в иерархии отношений полов и т. п. детерминируют актуальность и необходимость гендерных исследований. В современных научных работах гендерные проблемы тесно переплетаются с этническими, в частности, последние в лингвистике также изучаются в рамках дихотомии «расистский» – «инклюзивный».

В настоящее время гендерные вопросы этнокультурной проблематики активно изучаются современными лингвистами с междисциплинарных позиций [2, 3, 4, 5, 6, 7.]. Как справедливо отмечает Н.М.Фирсова, «концепты «мужчина» и «женщина» являются одними из основных концептов культуры» [3, с. 37], что обуславливает необходимость их исследования с точки зрения изучения диалога культур и взаимодействия языков. Следует отметить, что гендерные проблемы в рамках современных англистики и испанистики рассматриваются достаточно подробно, однако, сравнительный анализ фемининных и маскулинных этнокультурно обусловленных особенностей восприятия мира англоязычными и испаноязычными народами не проводился.

Среди всех промышленно развитых государств США характеризуется наибольшим этническим и расовым разнообразием. Вследствие межэтнических контактов и непрерывных миграций населения в США (особенно из стран Латинской Америки, в частности, Мексики), проблемы диалога представленных в США культур, являются сегодня предметом особого внимания исследователей. Согласно переписи 2000 года, население Америки составляет около 282 миллионов, из которых 38 миллионов – испаноязычные этносы, в первую очередь, иммигранты (или их потомки) из Мексики [8, р. 4 А; 9, р. 97].

Именно в условиях мультикультурализма и полилингвизма создается специфическая ситуация кросс-культурного контакта, в которой сопоставительный анализ культур может быть осуществлен наиболее полно.

Целью данной статьи является выявление ключевых отличительных особенностей гендерного проявления «англо-американской» и испаноязычных культур, сосуществующих в США. Неслучайно, что движение в поддержку «политкорректности» зародилось именно в Соединенных Штатах, в стране, где межэтнические и гендерные проблемы являются особенно актуальными сегодня. Во многом это объясняется идеологией и менталитетом общества, в котором провозглашен культ отдельной личности и устоев ее индивидуального мира. Эти проблемы находят отражение в целом ряде инноваций. Примерами служат единицы английского языка, которые были заменены «политически корректными», главным образом, эвфемистическими по своему характеру лексемами.

На фоне постфеминистского мировоззрения в некоторых словах было предложено заменить так называемые «сексистские» морфемы нейтральными. Например, лексема *chairman* превратилась в нейтральную языковую единицу *chairperson*, слово *spokesman* было модифицировано и приобрело новое генерализированное наполнение в виде слова *spokesperson*. Понятие «почтальон» стало желательнее передавать с помощью слов *mail carrier* вместо лексемы *postman*.

Национальным характерам испаноязычных этносов и англо-американцев свойственны свои особенности. Следует отметить, что так называемая «испаноязычная культура» США представлена культурными традициями разных стран, в большей степени, мексиканскими, пуэрториканскими и кубинскими. Белые американцы, как свидетельствуют результаты нашего исследования, во многом воспринимают культуры этих народов как единое целое, находя в них общие черты, которые объединяются в «ксеностереотипы» (стереотипы о чужих этносах, термин наш – А.Ю.) об общенациональном характере латиноамериканцев. В национальном характере англоязычных и испаноязычных народов, как уже упоминалось, одним из ключевых составляющих является гендерный компонент. Рассмотрим некоторые гендерно-этнические особенности исследуемых нами этносов.

Фемининные характерные черты латиноамериканок в первую очередь связаны с признанием превосходства мужчин. В латиноамериканских культурах мы сталкиваемся с четким разделением мужских и женских ролей/обязанностей. В этом отношении интересным является наблюдение о том, что даже хорошо успевающие мексиканские и пуэрториканские школьницы отличаются излишней робостью и пассивностью. В американской культуре отсутствует подобное разделение, фактически во всех видах деятельности отстаивается равенство мужчин и женщин [5, р. 1-2].

Исследователи указывают, что для большинства девочек-иммигранток мексиканского происхождения в США ощутимыми являются различия между культурными традициями, которым следуют в их семьях и традициями, с которыми приходится считаться в школе. Сохранить мирные отношения дома, установить дружеские отношения с ровесниками и добиться положительных результатов в школе, нередко оказывается невероятно сложно. Происходит своего рода столкновение «домашней культуры» (*home culture*) и «школьной культуры» (*school culture*) [5, р. 1-2].

Многие «латиносы», таким образом, «разрываются» между системой ценностей, принятой в их культурной среде, и системой ценностей принимающей культуры. В латиноамериканских культурах в процессе обучения акцент делается на сотрудничестве, помощи, поддержке. Принято делиться знаниями и опытом, помогать тем, кто менее талантлив, а не соперничать с ними. Выставлять напоказ и гордиться собственной успеваемостью и достижениями – постыдно. Индивидуализм не поощряется, а кротость приветствуется [5, р. 1-2, 8]. «Англо-американская» культура, наоборот, проповедует индивидуализм, здоровое соперничество и благосостояние, которым достигнувший его не обязан делиться. Успешный человек имеет полное право гордиться своими успехами.

Поскольку именно гендерный аспект демонстрирует множество наиболее ярких примеров расхождения в системе ценностей американской и испаноязычных культур, филологи предлагают разграничивать понятия «женский национальный характер» и «мужской национальный характер» [10, с. 52]. Мы предлагаем анализировать гендерно-этнический характер испаноязычных народов в рамках двойственных понятий «*machismo*» и «*marianismo*». «Женский национальный характер» соответствует понятию «*marianismo*», а мужской – «*machismo*» (маскулинный характер). «*Machismo*» включает компонент «агрессивный» и «уверенный в себе». «*Marianismo*» (фемининный характер): «покорный» и «аффективный».

Приведем пример, в котором своими мыслями о собственной культуре делится девушка пуэрториканского происхождения, которая ассимилировалась в американском обществе: *This is not some primitive island I live on. Do they expect me to wear a black mantilla on my head and to go to mass every day? Not me* [11, с. 185]. Иммигрантка считает себя американкой и подчеркивает, что не намерена ежедневно покорно ходить в церковь, как принято в Пуэрто-Рико. Она подчеркивает, что имеет свободу выбора, которой лишены латиноамериканские женщины [12, с. 142-143]: *I'm an American woman, and I will do what I please* [11, с. 185].

Девушка говорит о том, что хочет работать, а не заниматься хозяйством, как принято в латиноамериканских семьях. Более того, представительница испаноязычного этноса не хотела бы, чтоб ее приняли за пуэрториканку... *I never speak Spanish in public...* [11, 185]. Наоборот, иммигрантка хотела бы выглядеть как американка: *I can pass for an American girl anywhere – I've tried it: At least for Italian* [11, 185]. Она сознательно противопоставляет себя девушкам-одногодкам, которые сохранили культуру своего этноса, при этом себе она дает положительную оценку, а пуэрториканок (*humildes*) – оценивает негативно: *I look better than any of these humildes* [11, 185].

Лексема испанского языка *humilde* означает скромного человека и употребляется в речи девушки для того, чтобы противопоставить латиноамериканских женщин американкам. Она испытывает ненависть даже к гастрономическим предпочтениям выходцев из Латинской Америки: *I hate rice and beans*, поскольку они приносят, как она считает, вред: *that's what makes these women fat* [11, 185]. Очевидно, что этот человек полностью интегрирован в американский мир, поэтому на фоне столкновения двух миров – пуэрториканского и

американского проявляется изменение культурной позиции /идентичности [12, с. 142-143]. В рамках категории «*marianismo*» приведенная ситуация демонстрирует «аффективный» фемининный характер.

Одной из доминантных черт национального характера испаноязычного мужчины является страсть к риску и азартность, которые проявляются практически во всех жизненных ситуациях. В отличие от испаноязычных народов американцам присущий четко выраженный практицизм и бережливость. Для всех испаноязычных народов характерными являются гиперэмоциональность, непосредственность и спонтанность в проявлении собственных чувств. Ярким примером этих черт считают функционирование в испаноязычных странах национально-специфического типа комплимента «пиропо» (*piropo*) – комплимента незнакомой женщине, который произносится громко и сопровождается эмоциональными выкриками [10, с. 52-58]. Что касается ценностных ориентаций американцев, такая высокая степень эмоциональности для них не типична, хотя в сравнении с британцами, американцы – достаточно открыты и эмоциональны. Аналогичный «пиропо» тип комплимента не является типичным для американцев, а по упомянутой ранее причине – глубокого влияния феминистского движения на развитие американского общества, даже невинный комплимент женщине может быть воспринят как оскорбление [13, с. 196].

У испаноязычных этносов существует такое понятие как «культ мужественности мужчины», что в английском языке вербализируется с помощью единицы *machismo*. Доминирующая позиция является одной из основных национальных черт испаноязычных мужчин. Интерес, на наш взгляд, представляет то, что понятие «мачизм», заимствованное американской культурой, изменилось под влиянием феминистского движения начала 70-х гг. прошлого века. В частности, в США к «мачизму» относятся критически; американский «мачо» – бездельник, не проявляющий заботы о доме и семье, гордо выпячивающий свою физическую силу. В глазах окружающих он выглядит нелепо и сам, единственный, не замечает этого.

Следует отметить, что в соответствии с тем содержанием, которое включает это понятие в Латинской Америке, мужчина – «мачо» является ответственным человеком, который много и усердно работает, не выставляя напоказ свою физическую силу и результаты собственного труда. Исследователи описывают латиноамериканского «мачо» – работника фермы, который работает по 20 часов в день, воспринимая невероятную физическую нагрузку как абсолютно нормальный мужской труд. Когда босс отчитывает его незаслуженно, он не возражает, самую тяжелую и самую неприятную работу выполняет с достоинством [14, с. 35] («напористый маскулинный характер»).

В силу того, что понятие *machismo* воспринимается иронически в «англо-американской» культуре и лексическая единица *macho* имеет негативную коннотацию в английском языке, американцы не могли ассоциировать человека, деятельность которого описывается в приведенном отрывке, с этим словом. Они воспринимают его, как «анти-мачо» (*un-macho*) в соответствии с особенностями евро-американского мировосприятия [14, с. 35].

Что касается «женского национального характера» латиноамериканок, то, как уже упоминалось, им присуща такая черта, как полное признание приоритета мужчины. Следует отметить, что эта черта национального характера испаноязычных женщин абсолютно не характерна для белых американок. Кроме того, для «мужского национального характера» американца эта черта также не является характерной. Неслучайно, что в культуре США – «стране-родине феминизма» не принимается такая безропотная позиция женщины по отношению к мужчине [15, с. 101-105].

Следовательно, в национальном характере англоязычных и испаноязычных народов есть существенные расхождения, которые, с одной стороны, активизируют обоюдную «ксеностереотипизацию». С другой стороны, противоположные черты национального характера американцев европейского происхождения и выходцев из Латинской Америки детерминируют характер отношений между представителями этих культур, сложность которых отражается в американском варианте английского языка (в виде пейоративных этнических номинаций, коннотативно измененных заимствований) и находит проявление в коммуникации (в виде речевой стереотипизации, семантической дерогации). Более того, сами выходцы из Латинской Америки подтверждают некоторые стереотипные черты, свойственные их этносам. Например, анализ фактического материала показал, что некоторые *гендерно-этнические* стереотипы о мексиканских мужчинах подтверждают мексиканские женщины, которые, не смотря ни на что, предпочитают смириться с недостатками мужей («покорный» характер): *In a patriarchal society, few challenge their roles. If men drink, it's because it's the manly thing to do. If they gamble, it's because it's how men relax. And if they fool around, well, it's because a man simply can't hold back so much man! My aunts didn't exactly meekly sit back, but they put up with these transgressions because Mexican society dictates this was their lot in life* [14, с. 35].

Кроме того, результаты исследования подтвердили, что латиноамериканские женщины не только осознают наличие определенных стереотипных черт у мексиканских мужчин, но и выражают неудовлетворение этими чертами: *I recall Chicanas complaining about the chauvinistic nature of Latin men and the notion they wanted their women barefoot, pregnant and in the kitchen* («агрессивный маскулинный характер» – А.Ю.). *The generalization that Latin men embodied chauvinistic traits led to this interesting twist of semantics. The problem with the use of macho today is that it's become an accepted stereotype of the Latin male. And like all stereotypes, it distorts truth* [14, с.36].

«Мачистские» характеристики экстраполируются и на другие этнические и расовые группы, у представителей которых наблюдаются аналогичные привычки: *...the Chinese, like the Mexicans, don't like their women strong* [16, с.504]. Следовательно, процесс идентификации другого сообщества может предопределяться некоторыми чертами процесса самоидентификации собственной этнической группы.

Гендерные этнические стереотипы об испаноязычных народах могут рассматриваться в рамках неомогенных понятий «*machismo*» и «*marianismo*». «Женский и мужской национальные характеры» испаноязычных и англоязычных этносов США можно условно классифицировать по оппозициям «*machismo*» (маскулинный характер): агрессивный vs. уверенный; «*marianismo*» (фемининный характер): покорный vs. аффективный. Фиксируются существенные расхождения между национальным характером американцев евро-

пейского и латиноамериканского происхождения, что детерминировано разными приоритетными ценностными категориями этих сообществ.

В перспективе, на наш взгляд, следует осуществить лингвокультурологический и социолингвистический сопоставительный анализ национальных характеров англоязычных и испаноязычных народов США не только по гендерному, но и по всем возможным социокультурным признакам.

Джерела і література

1. The Cambridge Guide to English Usage, by Peters P. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 608 p.
2. Бессонова О. Л. Порівняльний опис гендерних концептів у структурі ціннісної картини світу в англійській та українській мовах // Вісник Сум. держ. ун-ту. – 2002. – № 4. – С. 15-21.
3. Фирсова Н. М. Об особенностях коммуникативного поведения и языка испаноязычных женщин // Филологические науки. – 2005. – № 5. – С. 36-43.
4. Швачко С. О. Соціолінгвістичні аспекти гендерної проблеми // Вісник Харківського національного ун-ту ім. В.Н.Каразіна. – 2003. – № 609. – С. 89-93.
5. Building Bridges Between Cultures/Digest Education and Immigration Girls; Edited by Julia L.Potter, WEEA Equity Resource Center at EDC, 2001. – 16 p.
6. Chafe W. Women and American Society // Making America. The Society and Culture of the United States. – Washington: United States Information Agency. – 1988. – P. 258-269.
7. Kulis S., Marsiglia F.F., Hurdle D. Gender Identity, Ethnicity, Acculturation, and Drug Use Exploring Differences Among Adolescents in the Southwest // Journal of Community Psychology, Arizona State University: Wiley Periodicals, Inc., Vol.31, # 2, 1-22, 2003. – 22 p.
8. Armaz G. For Hispanics, U.S. Census Can Cause an Identity Crisis // Houston Chronicle. – 2003. – P. 4A.
9. MacNeil R., Cran W. Hispanic Immigration: Reconquest or Assimilation // Do You Speak American? – New York: a division of Random House, Inc., 2005. – P. 89-114.
10. Фирсова Н. М. О национальных характерах испаноязычных и англоязычных народов в сопоставительном плане // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 51-58.
11. Cofer O. J. Silent Dancing // Visions of America. – New York: Persea Books, 1993. – P. 179-186.
12. Юнацька А. Б. Відбиття культурної ідентичності іспаномовних етносів США в англійській мові // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – 2006. – Вип. 27. – С. 141-144.
13. Американский характер. Очерки культуры США: традиция в культуре / Отв. ред. О. Э.Туганова. – М.: Наука, 1998. – 412 с.
14. Guilbault R. del C. Americanization is Tough on «Macho» // Encountering Cultures. Reading and Writing in a Changing World / ed. by R.Holeton, NJ: A Blair Press Book, 1992. – P. 34-36.
15. Юнацька А. Б. «Mexican macho» в англо-американській культурі // Вісник СумДу. Серія «Філологічні науки». – 2006. – № 11 (95), Суми. – С. 101-105.
16. Cisneros S. My Name // Encountering Cultures. Reading and Writing in a Changing World / ed. by R. Holeton. – NJ: A Blair Press Book, 1992. – P. 504.

Ягупова Л. М.

ПРЕФИКСАЛЬНИЙ СЛОВОТВІР У СЕРЕДНЬОВЕРХНЬОНІМЕЦЬКИХ РУКОПИСАХ: ІМЕННИКИ З ПРЕФИКСОМ *ge-*

1. Дослідження історичного словотвору взагалі та словотвору середньовіснійнімецької (далі – свн.) мови, що ґрунтується на новому мовно-історичному фундаменті, зокрема, є сьогодні дуже актуальним напрямом лінгвістичних розвідок у Німеччині, де, починаючи з 80-х років ХХ століття, з'являються теоретичні праці, в яких обґрунтовується необхідність вивчення попередніх історичних періодів розвитку німецької мови на основі рукописів [1], [2]. При цьому розвідки, присвячені всебічному опису свн. словотвору, які б ґрунтувалися на великому за обсягом репрезентативному корпусі автентичних рукописів, залишаються, навіть у Німеччині, поодинокими спробами.

Матеріалом дослідження у пропонованій статті є іменники із префіксом *ge-*, дібрані із 79 рукописів, що репрезентують тексти різних жанрів і типів¹. На попередньому етапі було вивчено усі іменникові лексеми, до складу яких уходить аналізований префікс, і розглянуто загальні питання функціонального аналізу іменників із *ge-* [3], а також часткові питання, як-от: графічну варіативність префікса [4], окремі функціональні класи і словотвірні типи за участю іменників із *ge-* [5], їхнє функціонування в окремих свн. діалектах [6], особливості функціонування частотних утворень [7] тощо. Основним завданням пропонованої статті є узагальнення результатів дослідження іменників, утворених за допомогою префікса *ge-*.

2. Іменники, до складу яких входить префікс *ge-*, утворюють найпотужнішу групу у свн. дослідницькому корпусі, проте відіменникові лексеми посідають друге місце за кількістю похідних (121 лексема) (після іменників з *in-*), натомість перше – за кількістю прикладів (1281 уживання). Вони поширені у 73 рукописах із 79, у т. ч. у 6 рядках історичних грамот із семи. Частотність іменників із *ge-* зростає упродовж свн. періоду, але цей процес відбувається хвилеподібно: у середньовіснійнімецькому ареалі засвідчено постійне зростання кількості уживань, у південнонімецьких пам'ятках пік частотності припадає на другу половину ХІІІ століття, після чого спостерігається спад їхньої уживаності. З другої половини ХІІ до кінця ХІІІ століття префіксальні лексеми виявляються значно частіше у південнонімецьких, ніж у середньовіснійнімецьких, діалектах, проте у першій половині ХІV століття співвідношення між обома ареалами майже урівноважується.

3. Порівняння з латиною призводить до висновку, що кореляція відбувається майже винятково на лексичному рівні. Про відповідність на рівні префіксів може йтися лише в межах латинського *com-pater* – свн. *gevater*, однак латинський еквівалент у корпусі не засвідчений.

4. Дослідження текстової вибірки підтверджує гіпотезу про відсутність мовної норми як такої у свн. період. Наявність цілого ряду графічних варіантів *ge-* у складі відповідних іменників – *ge-*, *gi-*, *ga-*, *go-*, *gei-*, *g-*, *ke-* – підтверджує це. Провідним графічним варіантом є *ge-*. Його питома вага зростає упродовж свн. періоду. Другий за частотою варіант – *gi-* – є залишком давньовіснійнімецького (далі – двн.) часу й ознакою південнонімецьких рукописів. Унікальні графічні варіанти тяжіють до певних пам'яток і трапляються у Will-I-0-p (*ke-*), Phys-II-1-p (*ga-*), Kchr-II-1-v (*go-*), RhMI-III-4-v (*gei-*). Відсутність жорстко унормованої орфографії особливо помітна у ранньосередньовіснійнімецькій період, коли в одній пам'ятці можна зустріти декілька графічних варіантів префікса одночасно. Синкопований варіант *g-* характерний, насамперед, для південнонімецького ареалу, проте синкопа зумовлена дистрибуцією і настає, коли префікс передє сонорним і плавним